

Субботний салон

Дуэт

С исполнителями русских романсов Юрием Гуляевым и Анатолием Савченко беседует

Их совместное существование на сцене — это цельный художественный образ. Он вальяжен, мягок, великодушен. Она — эдакая пушистая киска. И кокетлива, и лукава, и пикантна. В ней энергия сжатой пружины. И поиграет, и приголубит, а коготочек — то стальной все-таки есть, хоть и запрятан глубоко. Контрастные характеры. А ведь таким и должен быть дуэт, исполняющий романсы, где страсть — так обутливающая, эмоции — так через край.

И, безусловно, нужно что-то пережить и накопить в душе, чтобы спеть, предположим, *Хризантемы* или *Только раз бывает в жизни встреча* так, как сделали это они на последнем концерте в Музыкальном театре.

Я не знаю лучшей компании, чем актерская. Особенно когда собеседники в ударе и разговор идет вне запланированных вопросов и временного регламента. И байки вспоминаются сами собой...

Н.Р.: ...Нет, Анатолий Маркович, вы расскажите, как Магумаева от поклонниц спасали. Или как с Юрием Гуляевым «внеплановые» концерты устраивали.

А.С.: Так молодые были. Юрий Гуляев дважды приезжал к нам в Рижский оперный театр на гастроли. Мы пели с ним в одном спектакле. Прекрасный был человек, душевный, открытый. После спектакля шли ко мне домой. Ужинали весело. Потом раскрывали окна и начинали петь. А жил я в центре. На улице толпа собиралась, аплодировали.

— **Нонна, а тебя случайно в той толпе не было тог-**

— **А когда вы запели первый раз?**

А.С.: Петь — то мне хотелось еще в детстве. Видимо, уже тогда были и голос, и слух. Но сильную конкуренцию составлял мне мой младший брат. Он всегда выступал на всяких хороших праздниках, был запевалой. И мне говорили: «Молодой человек, не мешайте петь брату». Брат остался в Белоруссии. Стал народным артистом Советского Союза, поет в минской опере. У нас вся семья певческая, кроме отца.

Н.Р.: У меня тоже семья певческая. И мой брат, между прочим, тоже Савченко, Бронислав, и тоже лирический тенор. И у мамы был прекрасный голос — драматическое сопрано. Она пела до 80 лет.

А.С.: А я первый раз запел в армии. Старшина спрашивает: «Как у тебя со слухом?». Отвечаю: «Да вроде есть». Сделали меня запевалой. Во время службы я ухитрился сдать экзамены в местное музыкальное училище и закончить его. А тренировался не столько в классе, сколько на аэродроме (я служил в летных войсках). Запускают моторы, и я начинаю петь. Ребята смеялись: «Анатолий опять самолеты заглушает». Потом была консерватория. Учился я у разных педагогов. Ох, и много их у меня было, пока я не нашел себе настоящего — Леонида Давыдовича Заходника. Проучился у него шесть лет, и он дал мне все, что имел сам и чем я до сих пор пользуюсь. Он обладал итальянской школой. До этого я уже пел много партий, больших и сложных — в *Риголетто*, *Травиате*. Но не было стабильности, выходило раз на раз. И вот, прозанимавшись с ним столь долгий срок, я по-

Пушкинском доме. Атмосфера, прием были изумительные.

А.С.: А как нас принимали в Польше! Был концерт в Юрмале. Народу немного, но среди них я заметил нескольких женщин, которые слушали с каким-то особенным вниманием. Знаете, во время выступления реакция зрителей ведь очень важна. Смотрю — плачут. А потом, после концерта, они подошли к нам. Оказалось, польки. И пригласили нас к себе на гастроли. Мы были там неделю. Это было сказочно! Такого приема мы еще не видели. Поляки, оказывается, прекрасно знают русские романсы, причем вспоминают такие, которые у нас давно забыты.

Н.Р.: А потом мы пели в Вильнюсе. И вот там к нам подошел один американец и сказал, что когда мы поем, чувствуется, что на сцене семья.

А.С.: Нас поженили давно уже, что, как вы понимаете, истине не соответствует.

Н.Р.: Мы очень любим друг друга... На сцене. Там ведь как будто в другом измерении находишься. Так мы начали сотрудничество, находили все новые и новые дуэты. Сейчас их у нас около двадцати, причем и те вещи, которые обычно исполняются только сольно.

— **И тогда вы, Анатолий Маркович, забросили свое столярное ремесло?**

А.С.: Я понял, что еще могу петь!

— **И это заслуга женщины, между прочим.**

А.С.: Нонночка! Я вам очень признателен за то, что вы меня вернули к жизни. Нонна — прекрасная женщина, прекрасная певица и, между прочим, прекрасный администратор. А я вот такого таланта договариваться не имею. Су-

харь. Мое дело — вышел, спел...

— **То есть, в смысле бизнеса безнадежны?**

А.С.: Уж это верно. Тут особый талант нужен. Вот у Нонны он есть.

Н.Р.: У меня это, наверное, с детства. Когда еще училась в школе, уже участвовала в самодеятельности, вокруг себя объединяла. И потом, когда работала в ансамбле песни и пляски, стремилась создать что-то свое. И там ухитрилась объединять людей. Еще в те времена я начинала петь сольные концерты, и именно романсы. Работали мы на Дальнем Востоке — Петропавловск-на-Камчатке, Магадан, Курилы. Выступали даже на острове Врангеля, где, говорят, до нашего ансамбля еще никто не выступал.

...А пение любила, наверное, с колыбели. Плакса была. Мама рассказывала: пока поет, я в люльке тихо лежу. Как перестает, опять кричу. Мама хотела, чтобы у меня специальность была. Я поступила в индустриальный политехникум. Но какой из меня технарь! Сплошные «неуды» были.

— **А в оперетту тебя никогда не тянуло? Мне кажется, у тебя прекрасные данные для опереточной актрисы.**

Н.Р.: Да, я мечтала об оперетте. И, между прочим, моим педагогом была известная примадонна Рижской оперетты Евгения Павловна Томгорова, которой в этом году исполняется 80 лет. Под ее руководством я подготовила партию Джудитты из оперетты Легара *Джудитта* и куплеты Адели из *Летучей мыши*. Штрауса. Пела их на вокальном конкурсе в Риге и стала лауреатом. И даже про-